

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-3-3-8-14

Ковзеле О. Г.¹
Королёва Е. Е.²

**ПЕРЕДАЧА ЗДОРОВОГО И БОЛЕЗНЕННОГО СОСТОЯНИЯ
ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ РАСТИТЕЛЬНОГО КОДА СРАВНЕНИЙ
(НА РУССКОМ И ЛАТЫШСКОМ МАТЕРИАЛЕ)**

- 1) исследователь Института гуманитарных и социальных исследований, доктор филологических наук
2) ассоциированный профессор Института гуманитарных и социальных исследований, доктор филологических наук
Даугавпилсский университет, ул. Виенибас, д. 13, Даугавпилс, LV-5401, Латвия,
e-mail: oksana.kovzele@du.lv, jelena.korolova@du.lv

Аннотация. В статье рассмотрены разные по своему статусу, происхождению, употреблению и времени функционирования сравнительные конструкции: русские разговорные и фольклорные частушечные, а также латышские книжные, принадлежащие художественному идиолекту Анны Бригадере (1861-1933). Разговорные сравнительные конструкции зафиксированы в 16 населенных пунктах Латгалии (юго-восточная часть Латвии). Эталоном сравнения (компонент, с которым сравнивают) в них выступает фитоним. Растительный код – индикатор проявлений как нормального, здорового (сила, красота, бодрость духа, оптимизм, крепкое телосложение), так и аномального, болезненного (бледность, слабость, худоба, новообразования на теле и как результат болезни – смерть) состояния человека физического. Сравнительная перспектива позволяет сделать вывод о важнейших лингвокультурных особенностях населяющих Латвию русских (староверы) и латышей (католики), что проявляется в частотности использования растительных образов и их номенклатурном многообразии. Особый интерес представляют ассоциации на одни и те же эталоны, закрепленные в сознании русских и латышей, что находит прямое отражение в различном оценочно-смысловом наполнении эталонных фитонимов.

Ключевые слова: растительный код; сравнение; эталон; здоровье; болезнь; русский; латышский

Kovzele O. G.¹
Koroljova E. E.²

**RENDERING HUMAN'S HEALTH AND DISEASE CONDITIONS
BY MEANS OF PLANT CODE COMPARISONS
(ON THE BASIS OF RUSSIAN AND LATVIAN MATERIALS)**

- 1) PhD in Philology, Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences,
2) PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Humanities and Social Sciences,
Daugavpils University, 13 Vienibas St., Daugavpils, LV-5401, Latvia, *e-mail: oksana.kovzele@du.lv, jelena.korolova@du.lv*

Abstract. The article discusses comparative constructions that are different in status, origin, use and time of functioning: Russian colloquial and folklore comparisons, as well as Latvian bookish comparisons belonging to the artistic idiolect of Anna Brigadere (1861-1933). Colloquial comparative constructions were recorded in 16 localities of Latgale (South-Eastern part of Latvia). The basis of comparison (the component to which something is compared) in the comparisons is a phytonym. The plant code serves as an indicator of manifestations of both normal, healthy (strength, beauty, cheerfulness, optimism, strong physique), and abnormal, unsound (pallor, weakness, thinness, growths on the body and death as a result of a disease) physical condition of a person. The comparative perspective allows for drawing a conclusion about the most significant linguo-cultural features of Russians (Old Believers) living in Latvia and Latvians (Catholics), which are manifested in the frequency of the use of plant images and their manifold nomenclature. Association with the same bases of comparisons enshrined in the minds of Russians and Latvians are of particular interest; it is directly reflected in a different evaluative semantic content of the phytonyms – bases of comparisons.

Key words: plant code; comparison; basis of comparison; health; disease; Russian; Latvian.

Введение

«Здоровье» и «болезнь» – «специфические ментальные конструкты или концепты, отражающие этнопсихологическое своеобразие» отдельно взятой картины мира [12, с. 27], поскольку «национально специфичные образы здоровья и болезни несут в себе не универсальные, а скорее «локальные» коллективно разделяемые значения и выполняют регуляторную функцию лишь в пределах конкретных этнических групп и сообществ» [12, с. 28]. В этой связи определенный интерес представляет архаичная и универсальная по своей природе практика соотнесения здоровья с «полнотой природной, прежде всего растительной жизни» [3, с. 68], т.е. выражение нормального и/или болезненного состояния человека посредством актуализации фитонимической (растительной) лексики [7] (в научной литературе существует целый ряд синонимов для обозначения этих понятий: фитокомпоненты [2], фитосимволы [9], флористическая лексика [1] и т.д.). Рассмотрим, как растительный код воплощается в русских и латышских сравнительных конструкциях, тематически связанных со здоровым и болезненным состоянием человека физического.

Цель работы

В статье предпринята попытка сопоставительного анализа двуязычного языкового материала сравнительных конструкций с целью выявления универсальных и национальных (отчасти, индивидуальных) механизмов концептуализации окружающего пространства.

Материалы и методы исследования

В работе представлен русский и латышский языковой материал в сравнительной перспективе. Речь идет о межнациональном (русские и латыши) и межстилевом (диалект и литературный язык), межконфессиональном (староверы и католики) и междискурсном (живая разговорная речь и язык художественной литературы) сравнении. Учитывается локальная традиция Латвии, характеризующаяся общностью территории, культурно-исторической и экономической ситуации, языковым и культурным многообразием.

Базой исследования послужили 458 сравнительных конструкций, извлеченных из художественного наследия А. Бригадере (проанализированы все произведения автора) и спонтанной разговорной речи староверов Латгалии. Отобраны соответствующие антитезе

«здоровье – болезнь» сравнительные конструкции, использующие растительный код. Их оказалось 66.

В рамках исследования используется комплекс научных методов и подходов: описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод систематизации языкового материала, а также интервью (полевой сбор русского материала).

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ полученных языковых фактов выявил наличие разнообразного растительного кода сравнений. Под «компаративным растительным кодом» в работе понимаются сравнительные конструкции с эталоном-фитонимом: травы, цветы, злаковые и бобовые культуры, овощи, ягоды, грибы и т.д. При этом фитонимы рассматриваются широко, учитываются номинации кустарников и деревьев (дендронимы), а также их составляющие (корень, ствол, ветвь, лист, плод и т.д.).

Анализ материала показал, что тема болезни и здоровья не является одной из наиболее представленных в сравнительных конструкциях растительного кода. Из 458 контекстов лишь в 6,79% случаев (31 сравнение) говорится о здоровье, и это по большей части русские примеры (18 сравнений), недаром здоровье признано константой именно русской культуры [6], в свою очередь 7,64 % случаев (35 примеров) связаны с темой болезни, где также доминирует русский материал (24 примера). Это позволяет сделать вывод о «здоровье – болезни» как об одной из важнейших жизненных ценностей русскоязычной части социума Латвии, латышский автор в этом отношении проявляет сдержанность. При этом речь идет лишь о физическом, а не духовном состоянии человека.

Физическое здоровье человека

Вегетативная метафора человеческой физиологии анализируется в этнолингвистическом аспекте С.М. Толстой [10, с. 338-346]. «Вегетативная метафора может распространяться на весь жизненный путь человека (расцвет, созревание, увядание)» [10, с. 125]. Исследователь Е.И. Кириленко отмечает, что «здоровье – это и красота, передаваемая в языке зачастую растительными метафорами <...>» [3, с. 70].

В русском компаративном материале зафиксирована неразрывная связь народных представлений о здоровье, силе, молодости и красоте. Всеми этими свойствами обладают гипоним «гриб-боровик» и гипероним «цветок»: *Детей насаждают на печку, сидят как боровики*

[14]; *Как боровички сидят – толстенькие, маленькие* (мальчики в первом классе) [15] – ‘о крепких, здоровых детях плотного телосложения’.

Неслучаен факт использования в качестве эталона самого ценного гриба с точки зрения вкусовых предпочтений русских – боровика. Положительный аксиологический заряд денотата переносится на эталон, выступающий в качестве символа крепких, здоровых детей.

Известно, что слово «цветок» используется в устной речи русских как ласковое обращение к молодым людям и детям. Цветок встречается в разговорной речи и в частушках по отношению к юноше и девушке: *Он весь в мать, что она, то и он, я гляжу на него: ну как цветок цветёт, а ещё эта военная вся блестит, и все награды наденет, чтоб погордиться* [26]; *Работающий и людяный рос, как цветок какой* [26]; *Такой малец был, как звонок, как цветок, – такие проекты были* [16]; *Повяжу я, повяжу беленький платочек, Я никем не занята, гуляю как цветочек* [21]; *Гармонист сидит, что во поле цвет, я люблю его, а с ним свиданья нет* [19]. «Во всех славянских языках цвет и цветок относится к молодости или обозначает молодой возраст» [10, с. 341].

Цветок в частушке может быть алым или розовым. Эти колористические прилагательные передают оттенки красного, а в народной культуре «слова с корнями цвет- и крас- устойчиво связываются с представлением о пике жизни, полноте жизненных сил человека» [10, с. 125]. В данном конкретном случае посредством эталона «цветок» актуализируется сохранение оптимизма, жизненных сил и энергии, свойственных молодости, несмотря ни на какие невзгоды, лишения и испытания: *Как на нашей на реке переход берёзовый, Мой милёночек гуляет как цветочек розовый* [21]; *Мой Иванушка женился, посмотрите на меня: я цвету как цветик алый, а он вянет как трава* [25]; *Мне сказали про милого, что худой да маленький. Посмотрите на него – как цветочек аленький* [13]; *Мне сказали про милёнка: худенький да маленький, а сама как посмотрела: как цветочек аленький!* [21]. В частушке встречается фразеологизм «как маков цвет» ‘о румяном лице’: *В огороде растёт тина. Душа ходит, что картина, он цветёт, что маков цвет, я гляжу, что на портрет* [8, 107].

Следует отметить и этимологическую связь цвета жизни, т.е. здоровья с красотой: «Семантически *krasa убедительно реконструируется как ‘цвет жизни’, откуда затем

‘красный цвет, румянец (лица)’, ‘цветение, цвет (растений)’ и, наконец, более общее – ‘красота’» [цит. по 10, с. 132]. Как видим, здоровье, молодость, красота семантически связаны и взаимообусловлены не только в общерусской, но и в общеславянской истории.

В латышском материале эталон «боровик» употребляется для цветообозначения: коричневой и серой крыши и коричневой хозяйственной постройки: *ciema mājas izskatījās kā baraviku galvas* [32, с. 434] / *дома в поселке выглядели как шляпки боровиков*; *no pakalna pacēlās pelēks jumts kā baravika no sūnām* [33, с. 227] / *с пригорка поднималась серая крыша как боровик из мха*; *rija kā brūngana baravika* [33, с. 51] / *рига была коричневой как боровик*.

Эталон «цветок» служит маркером броского внешнего вида и женской привлекательности, тогда как тема здоровья и молодости здесь не актуализируется: *dāmas kā milzīgas kustošas puķes* [32, с. 13] / *дамы как огромные движущиеся цветы*; *viņa starp citām kā puķe vaiņagā* [34, с. 214] / *она среди других как цветок в венке – ‘о красивой, привлекательной женщине, выделяющейся в толпе’*; *sejas kairinošas, skaistas, smaržojošas kā puķu dobes* [32, с. 329-330] / *лица соблазнительные, красивые, пахнущие как цветочные клумбы*; *līdzinājās brīnumpuķei* [31, с. 336] / *напоминала чудо-цветок*; *skaista un apaļa kā tagoņi rītpurs* [31, с. 203] / *красивая и круглая как маковый бутон – ‘о (женской) внешней привлекательности’*; *kā balti sārta ūdensroze* [31, с. 94] / *как бело-алая водяная лилия – ‘о коже на шее’*; *auguņš smūdris un grezns kā meža lilijas kāts* [32, с. 174] / *тело стройное и роскошное как стебель лесной лилии*.

Дендронимический сравнительный материал, в отличие от явного расхождения в использовании флоронимов и маконимов, все же демонстрирует близость русской и латышской лингвокультур. Смысловым комплексом «здоровье, сила, красота» (об особи мужского пола), по мнению русских респондентов и латышской писательницы, обладает гипоним «дуб»: *Восем сынов и ростом по метр восемьдесят – красивые как дубы* [20]; *Мальцев нет на вечереньку, привалят как дубы – это беси набравша тутака* [24]; *Хлопцы якие, як дубы!* [28]; *В Ирютки Гордеихи 14 было, 4 помёрли, 10 осталось, такие как дубы были здоровые, я их помню, плечистые мужчины* [17]; *Чего ж матэльские, их сколько, брательников, чатьре, как дубы здоровые, плечистые* [17]; *И выросли мы все, как дубы* [15] – ‘о красивых, крупных,

физически здоровых, высоких юношах»; *Sergejs bij kā ozols starp kārkliem* [31, с. 179] / *Сергей был (среди других работников) как дуб среди лозы* – ‘о красивом, сильном юноше, выделяющемся в толпе’; *biju puisis kā ozols* [29, с. 61] / (о себе) *был парень как дуб* – ‘о здоровом, сильном юноше’; *Un bij vīrs kā ozols un skaists vīrs!* [29, с. 236] / (о священнике) *И был муж как дуб и красивый муж!* – ‘о здоровом, сильном мужчине’.

Скорее всего, положительная коннотация, присущая дубу как священному дереву еще у древних славян [11], сохраняется у русских Латгалии именно благодаря поддерживающему влиянию со стороны латышского языка. В русском узусе во вторичном значении дуб связывается с тупостью.

Физическая болезнь: худоба, бледность, новообразования на теле

Одним из наиболее очевидных проявлений болезненного состояния человека является его чрезмерная худоба [3, с. 70], особенно в преклонном возрасте. «Применительно к человеку физическому сухота означает недостаток «тела» и жизненной субстанции. Восприятие худобы как телесной (физической) недостаточности приводит далее к развитию у сухого значения ‘больной, болезнь’» [10, с. 55-56]. Худоба в русской лингвокультуре представлена тремя эталонами – «трава», «тростинка» и «былинка»: *Как трава, только всё ещё держусь своей хатки* [26] – ‘о чрезмерно худом человеке преклонного возраста’; *Феня эта была худая, тонкая, как тростинка* [27]; *Хрупкая, худенькая девушка. Лена была как тростинка* [24]; *Скромная девочка, красивая, как тростинка, всё слава богу!* [15] – ‘о тщедушном, болезненном человеке’; *Сиротой я росла как былинка в поле, моя молодость прошла у чужих в неволе* [24]; *Какой ты уборщик – как былинка шатается* [22]; *Мама плохая, просто как былинка* [15] – ‘о слабом, худом, болезненно тщедушном человеке’.

Эталон «трава» используется и как прямой аналог старческой слабости и немощи. Здесь явно прослеживается влияние мотива – из земли и в землю пойдешь – из чина отпевания: *Я не человек уже, а трава: человек яко трава!* [26]; *Ты не человек уже, а как трава сухая, а живой в могилу не лягнешь* [26]; *Как трава, только всё ещё держусь своей хибарки, всё охаю, клѣхаю* [26] – ‘о старом, немощном человеке’. «В обрядовой и фольклорной традиции сухие, увядшие растения, ветки, травы, цветы устойчиво ассоциируются с

болезнью» [10, с. 59]. На сухой лес отсылаются болезни в заговорах.

Куда реже слабое, подорванное здоровье, по мнению русских респондентов, напоминает «гриб»: *Раньше люди крепче были, а теперь люди как грибы* [26] – ‘о слабых здоровьем людях’. Старый гриб вызывает устойчивую ассоциацию со старым, больным, утратившим былую красоту человеком: *Я не хвалюсь, по закону я говорю, была я красивая, а ичас как старый гриб!* [23]; *Не признать, как обабки, все старые – людей не признать* [22].

Встречается эталон «моченое яблоко» (яблоко в говорах староверов Латгалии мужского рода): *Так избили, что она была как мочёный яблук* [22] – ‘об опухшем от побоев человеке’.

Латышские компаративные конструкции фиксируют еще одно проявление болезненного состояния – бледность, подобную белизне лепестка лилии: *bāla kā lilijas lapa* [31, с. 289] / *бледная как лепесток лилии*. Выбор этого символа в качестве эталона характерен, по-видимому, для художественного (книжного) стиля и католической культуры. Символизировать бледность может и гриб-трутовик: *Jancis bāls kā rīere* [31, с. 375] / *Янцис бледен как трутовик*.

Следует отметить, что в многочисленных русских примерах зафиксированы различные аномалии человеческого тела – начиная с прыщей и бородавок и заканчивая опасными и злокачественными новообразованиями (вздутые вены, всевозможные опухоли). В данном случае важна округлая или овальная форма аномалии, ее уплотненный состав, который чаще всего ассоциируется с такими эталонами сравнения, как «цветок», «боб» или «горошина»: *А мамки были вены как вот эти цветы – болтались шишки* [20] – ‘о вздувшихся венах’; *Длинный такой, как большой этот боб, соскочит и лопнет* [24] – ‘о большом прыще’; *В моей бабушки была как горошина бородавка, и она ей была родимая* [27]; *Моёй бабушки сестры бородавка на носу, она выросши такая как горошина настоящая* [27] – ‘о бородавке больших размеров’; *Преждевременно, наверно, хватилась, такая, как горошина синяя, такая она уже стала – большую дырку вырезали* [22] – ‘об опухоли’; *В моёй такая как горошина, пошла к врачу, стали подразумевать (подозревать), отправили в Даугавпилс, вырезали* [22] – ‘о новообразовании, грозящем перерасти в раковую опухоль’; *Омертвление отошло, как раздул язык, в рот не лезет, и ему образовалась как бобина синяя* [22]; *В нас в этого коня на плече как бобина, и держится она на трёх волосинах* [22]; *Как дас эта боль отсюда сюда, она уже начала*

как большая бобина, где большой боб [24] – ‘опухоль, желвак размером с боб (раковая опухоль)’.

А. Бригадере в целом опускает анатомические подробности болезни, тем не менее, у нее встречается упоминание о ранах и сильной физической боли. При этом автор использует гипероним «дерево» и его атрибут «веточку»: *man brūces uztrūka kā kokam* [30, с. 74] / у меня прорвались раны, как у дерева – ‘о ранах, которые начали кровоточить или гноиться’; *Mincīte kā vētras liekts zariņš savilkās čokurā* [29, с. 167] / Минците, как согнутая бурей веточка, сжалась в комок – ‘о резком и интуитивном сжатии при боли’.

В латышских компаративных конструкциях также отражается крайне болезненное, близкое к предсмертному, состояние человека. В этом случае используются отмеченные ранее эталоны здоровья со знаком минус. У Бригадере болезнь символизирует гипероним «цветок» (*puķe*), аналог здоровья, молодости, красоты у русских информантов, и гипоним «саженец/росток» (*stāds*), когда речь идет о детях (саженец в качестве эталона вообще отсутствует в русских компаративных конструкциях). Семантика болезни передается предикатами со значением разрушительного действия: саженец сломали, повредили, лишили солнца: *Mildiņa gulēja kā nolauzta puķe* [33, с. 52] / Милдиня лежала как сломанный цветок – ‘о больной, немощной девушке’; *ielūza kātā kā puķe* [32, с. 371] / сломалась в стебле как цветок – ‘о разбитом, болезненном состоянии девушки’; *dzimuši, nīkuši un nobeigušies kā stādi bez saules* [32, с. 392] / (рожденные в пьянстве дети) чахли и умирали как саженцы без солнца – ‘о пагубном влиянии родительского пьянства на здоровье и жизнь их детей’; *bērni auga kā sakropļoti stādiņi* [31, с. 389] / дети росли как поврежденные саженцы – ‘о болезненных, немощных детях’.

Само же наступление смерти в русских и латышских примерах зафиксировано исключительно с привлечением дендронимов. Однако в русском и латышском материале отличается выбор эталонов сравнения. Умерший человек у русских ассоциируется со сломанным дубом: *Тут весь край положило как дубов!* [18, с. 38] – ‘о высокой смертности’, тогда как массовая гибель, как показывает латышский материал, имеет прямую аналогию с увяданием и опадением сухих листьев и ветвей: *Kad tavas dzīves pilnās stundas Kā sausi zari nokritīs* [30, с. 48] / Когда насыщенные часы твоей жизни Как сухие ветви

opadum – ‘о наступлении смертного часа’; *Jelgavā krītot cilvēki kā lapas uz ielām* [29, с. 237] / В Елгаве (от болезни и голода) люди падают на улицах, как листья – ‘о массовой смертности’; *slaucīja Kurzemes ļaudis kā sausas lapas* [33, с. 45] / (войско) сметало курземский люд, как сухие листья – ‘о массовом уничтожении людей’

Заключение

«Характерное для всех языков и культур осмысление человека в категориях растительного мира, основанное на представлении о единстве человека со всей живой природой, обусловило своеобразие вегетативных метафор» [4, с. 283] здоровья и болезни человека. «Здоровье – болезнь» – бинарная оппозиция, отражающая ценностные ориентиры русской и латышской культуры. Эта оппозиция пересекается с оппозициями «молодость – старость» и «жизнь – смерть». Здоровье в русской культуре ассоциируется с молодостью, силой и красотой, признаком которых является розовый цвет лица. В идиолекте А. Бригадере таким эталоном красоты выступает бело-алая водяная лилия.

Болезнь семантически связана с худобой, бледностью, новообразованиями на теле, отсутствием жизненных сил в организме. В растительных сравнительных конструкциях русских разработаны темы худобы и новообразований на теле, а латышские конструкции тематически связаны с бледностью и физической слабостью.

Амбивалентными у русских и латышей являются эталоны «гриб», «цветок», «дуб». Они появляются и в зоне здоровья, и в зоне болезни. Болезнь использует их с предикатами разрушительного действия или отрицательными атрибутами. У русских гипероним «гриб», гипоним «обабок» (любой пластинчатый гриб, кроме белого), атрибутивное словосочетание «старый гриб» устойчиво ассоциируются со старостью, некрасивостью. У Бригадере эталон «трутовик» (гриб) ассоциируется с болезненной бледностью мужчины. В идиолекте писательницы бледность женщины – свидетельство красоты, бледность мужчины – свидетельство болезни.

Маркированными оказываются дети: у русских – «боровик» (мотивирующим оказывается признак ценности), у латышей – «саженец растения» (мотивирующим признаком служит «невзрослость»).

Религиозный компонент проявляется в русских компаративных конструкциях «яко трава», почерпнутых из чина отпевания покойных

у староверов и православных, и в латышских многочисленных конструкциях с эталоном «лилия». Как известно, лилия – символ непорочной чистоты и является атрибутом Богородицы в католической традиции [5, с. 55].

Таким образом, в сфере растительных эталонов и у русских, и у латышей наблюдается своеобразная социализация. Это объясняется, по-видимому, тем, что бинарная оппозиция «здоровье – болезнь» относится к человеку, сущностной характеристикой которого, выделяющей его из мира природы, является принадлежность обществу.

Список теоретической литературы

1. Бойко Л.Г. Мир флоры в устойчивых сравнениях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 10. С. 75-77.
2. Гишкаева Л.Н. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка: Автореф. дис. ... кан-та фил. наук. М., 2012. 20 с.
3. Кириленко Е.И. Концепт здоровья в русской языковой традиции // Бюллетень сибирской медицины. 2005. № 3. С. 66-75.
4. Малоха М. Вегетативные метафоры здоровья человека: традиционные и новые смыслы в русской фразеологии // XX. Olomoucké Dny Rusistů 02.09-04.09.2009. Rossica Olomucensia XLVIII. Olomouc. 2009.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. 719 с.
6. Петкау А.Ю. «Здоровье» как культурный феномен. На материале русского паремиологического фонда // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. Т. 124. С. 192-201.
7. Пуцилева Л.Ф. Опыт анализа русских фитонимов с коннотативными значениями, характеризующими внешний вид человека (на фоне итальянского языка) // Мир русского слова. 2008. № 3. С. 31-36.
8. Русский фольклор в записях студентов Даугавпилсского университета (1963-1991). Альманах института компаративистики. Русско-латышские литературные контакты. Вып. 4. Т. 10. Daugavpils: Saule, 2008. 415 с.
9. Сиднева С.А. Растительный код в новогреческом фольклоре: Дис. ...кан-та фил. наук. М., 2008. 189 с.
10. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
11. Толстой Н.И. Священный дуб // Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 481-488.

12. Филатов Ф.Р. Представления о здоровье и болезни в древнерусской языковой культуре. Попытка психологической реконструкции // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 27-36.

Русский языковой материал записан в населенных пунктах Латгалии

13. Бригино Даугавпилсского р-на
14. Дагда Краславского р-на
15. Даугавпилс
16. Зуи Резекненского р-на
17. Калишево Краславского р-на
18. Королёва Е.Е. Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области) (территория Латгалии с 1920-1940 гг.). Daugavpils: Saule, 2013. 356 с.
19. Краслава
20. Круки Резекненского р-на
21. Лопатишки Резекненского р-на
22. Малта Резекненского р-на
23. Москвино Прейльского р-на
24. Прейли
25. Резекне
26. Санаужи Прейльского р-на
27. Шниткино Прейльского р-на
28. Юдовка Даугавпилсского р-на

Латышский материал

(произведения Анны Бригадере)

29. Brigadere A. Dievs, daba, darbs. Grāmata jauniem un veciem. Rīga: Zvaigzne ABC, 2003. 507 lpp.
30. Brigadere A. Dzeja. Ja saule tev sirdī. Rīga: Valters un Rapa, 2001. 406 lpp.
31. Brigadere A. Kad pumpuri briest. Stāsti un tēlojumi. 1896-1904. Rīga: Liesma, 1993. 474 lpp.
32. Brigadere A. Klusie varoņi. Stāsti un tēlojumi. 1899-1933. Rīga: Valters un Rapa, 1996. 458 lpp.
33. Brigadere A. Kvēlošā lokā. Romāns. 1927-1928. Rīga: Valters un Rapa, 1998. 432 lpp.
34. Brigadere A. Lugas. Rīga: Valters un Rapa, 2004. 480 lpp.
35. Brigadere A. Par garīgo Latviju. Publicistika un vēstules. Rīga: Valters un Rapa, 1997. 440 lpp.

References

List of theoretical literature

1. Boiko L.G. The World of Flora in Stable Comparisons // News of Volgograd State Pedagogical Institute. 2008. No 10. Pp. 75-77.
2. Gishkaeva L.N. Phraseological Units with the Components – Zoonyms and Phytonyms in Modern Iberian and Mexican National Variants of Spanish: Summary of the PhD Thesis in Philology. Moscow, 2012. 20 p.
3. Kirilenko Y.I. Health Concept in Russian Linguistic Tradition // Bulletin of the Siberian Medicine. 2005. No 3. Pp. 66-75.
4. Malokha M. Vegetative Metaphors of Human Health: Traditional and New Meanings in Russian Phraseology // XX. Olomoucké Dny Rusistů 02.09-

04.09.2009. Rossica Olomucensia XLVIII. Olomouc. 2009.

5. Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. Vol. 2. Moscow, 1988. 719 p.

6. Petkau A.Y. «Health» as a Cultural Phenomenon. Based on the Materials of the Russian Paremiological Fund // News of Ural Federal University. Series 2. The Humanities. 2014. No 1. Vol. 124. Pp. 192-201.

7. Pucileva L.F. An Attempt in the Analysis of Russian Phytonyms with Connotative Meanings Characterizing People's Appearance (on the Background of the Italian Language) // The World of Russian Word. 2008. No 3. Pp. 31-36.

8. Russian Folklore in the Records of Students of Daugavpils University (1963-1991). The Almanac of the Institute of Comparative Studies. Russian – Latvian Literary Contacts. Issue 4. Vol. 10. Daugavpils: Saule, 2008. 415 p.

9. Sidneva S.A. Plant Code in Modern Greek Folklore: PhD Thesis in Philology. Moscow, 2008. 189 p.

10. Tolstaya S.M. The Space of the Word. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspective. Moscow: Indrik, 2008. 527 p.

11. Tolstoy N.I. Sacred Oak // Sketches of Slavic Paganism. Moscow: Indrik, 2003. Pp. 481-488.

12. Filatov F.R. Concepts of Health and Illness in the Linguistic Culture of Ancient Rus. An Attempt of Psychological Reconstruction // Cultural-Historical Psychology. 2008. No 1. P. 27-36.

Russian linguistic material has been recorded in the following localities in Latgale

13. Brygino, Daugavpils District

14. Dagda, Kraslava District

15. Daugavpils

16. Zui, Rezekne District

17. Kalishevo, Kraslava District

18. Korolyova E.E. Dialectal Dictionary of One Family – 2 (Pitalovo District of Pskov Region) (the Territory of Latgale in 1920-1940). Daugavpils: Saule, 2013. 356 p.

19. Kraslava

20. Kruki, Rezekne District

21. Lopatishki, Rezekne District

22. Malta, Rezekne District

23. Moskvino, Preili District

24. Preili

25. Rezekne

26. Sanauzhi, Preili District

27. Shnitkino, Preili District

28. Yudovka, Daugavpils District

Latvian material (works by Anna Brigadere)

29. Brigadere A. God, Nature, Work. A Book for Young and Old. Riga: Zvaigzne ABC, 2003. 507 p.

30. Brigadere A. Poetry. If the Sun is in Your Heart. Riga: Valters un Rapa, 2001. 406 p.

31. Brigadere A. When the Buds are Bursting. Stories and Miniatures. 1896-1904. Riga: Liesma, 1993. 474 p.

32. Brigadere A. The Silent Heroes. Stories and Miniatures. 1899-1933. Riga: Valters un Rapa, 1996. 458 p.

33. Brigadere A. Within Glowing Circle. 1927-1928. Riga: Valters un Rapa, 1998. 432 p.

34. Brigadere A. Plays. Riga: Valters un Rapa, 2004. 480 p.

35. Brigadere A. On Spiritual Latvia. Journalism and Letters. Riga: Valters un Rapa, 1997. 440 p.